

А. М. Зацепин

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

МОНОГРАФИЯ

ВИДЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КАК ПРЕДПОСЫЛКА
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

КВАЛИФИКАЦИЯ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ
КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

ПРОБЛЕМА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

И ДР.

Александр Михайлович Зацепин
Дополнительная
квалификация преступления:
общие и специальные
вопросы. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21520156

ООО «Проспект»; 2016

ISBN 9785392205608

Аннотация

В работе рассматриваются общие и специальные вопросы, возникающие при дополнительной квалификации преступления. В частности, дается понятие и анализируются признаки дополнительной квалификации и ее виды: при конкуренции норм уголовного права, множественности преступлений – совокупности и рецидиве, изменении уголовного закона, вступлении в силу закона, устранивающего или устанавливающего преступность деяния либо смягчающего или усиливающего наказание, неоконченного преступления – приготовления к преступлению, покушения на преступление, соучастия в преступлении. Внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения. Законодательство приведено по состоянию на октябрь 2015

г. Рекомендуется для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, судей, следователей, прокуроров и адвокатов.

Содержание

Введение	6
Глава I	11
§ 1. Признаки дополнительной квалификации преступлений	11
§ 2. Виды дополнительной квалификации преступлений	32
Глава II	43
§ 1. Конкуренция норм уголовного права как предпосылка дополнительной квалификации преступлений	43
§ 2. Дополнительная квалификация преступления при конкуренции общей и специальной нормы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

А. М. Зацепин
Дополнительная
квалификация
преступления. Общие и
специальные вопросы
Монография

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

В теории уголовного права традиционно уделяется большое внимание квалификации преступления. Однако при ее изучении затрагиваются проблемы, которые выходят за рамки привычного ее понимания. Речь идет о квалификации при конкуренции норм уголовного права, множественности преступлений, изменении уголовного закона, неоконченного преступления и соучастия в преступлении.

Дело в том, что необходимым и достаточным для квалификации преступления основанием обычно считается состав преступления. Его же недостаточно при конкуренции норм уголовного права, когда одно деяние охватывается составами нескольких преступлений, множественности преступлений, когда составы преступлений отражают лишь деяния, в нее входящие, и изменении уголовного закона, когда одно деяние подпадает под составы преступлений, отраженные и старым, и новым законом. Составов преступлений, предусмотренных в Особенной части уголовного законодательства, недостаточно при квалификации неоконченного преступления и соучастия в преступлении, ибо в них присутствуют специфические признаки, установленные в Общей части.

Одновременно на практике используется понятие дополнительной квалификации преступлений. Оно применяется,

как правило, в отношении необходимости уголовно-правовой оценки вместе с одним преступлением другого, т. е. такой формы множественности преступлений, как совокупность преступлений. Нередко оно применяется и в отношении необходимости ссылки на ст. 30 или 33 УК РФ соответственно при неоконченном преступлении и соучастии в преступлении.

Теория идет вслед за практикой, просто оперируя в соответствующих ситуациях термином «дополнительная квалификация». Вместе с тем исследование самой дополнительной квалификации преступлений не осуществляется. Нет ясности ни с ее уголовно-правовым статусом, ни со сферой ее применения. Вряд ли такое положение вещей с тем, что уже устоялось, является оправданным. Оно подлежит исправлению.

Причем в практической деятельности возникает немало проблем, связанных именно с дополнительной квалификацией преступлений: о правилах конкуренции уголовно-правовых норм, разграничении единичных преступлений и их множественности, определении закона, смягчающего наказание, и вида неоконченного преступления, различении соучастников преступления и т. п. Они не получили исчерпывающего решения ни в уголовном законодательстве, ни в толковании высшего судебного органа страны, а от их правильного разрешения в соответствующем случае зависит судьба конкретного человека, попавшего в сферу правосу-

дия.

Как уже говорилось, сама дополнительная квалификация преступлений изучению не подвергалась, рассматривались лишь сопутствующие вопросы. Так, проблемы уголовно-правовой квалификации, квалификация преступления были предметом исследования Е. В. Благова, Л. Д. Гаухмана, А. В. Корнеевой, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова, Р. А. Сабитова, Н. К. Семерневой, А. А. Толкаченко и других ученых. Проблемы конкуренции норм уголовного права были предметом исследования А. С. Горелика, Л. В. Иногамовой-Хегай, З. А. Незнамовой, В. Б. Шакина и других ученых. Проблемы множественности преступлений были предметом исследования А. П. Козлова, В. П. Малкова, И. Н. Самылиной, Р. А. Санинского, А. И. Сорокина, Т. Г. Черненко и других ученых. Проблемы действия уголовного закона во времени были предметом исследования Б. Б. Галлиева, А. М. Ерасова, А. М. Медведева, Ю. А. Пономаренко, С. Я. Улицкого, А. Е. Якубова и других ученых. Проблемы неоконченного преступления были предметом исследования М. В. Гринь, Т. Г. Жуковой, М. П. Редина, А. П. Козлова, Г. В. Назаренко, А. И. Ситниковой, К. Т. Тедеева и других ученых. Проблемы соучастия в преступлении были предметом исследования А. А. Арутюнова, Р. Р. Галиакбарова, А. П. Козлова, А. Н. Павлухина, Р. С. Рыжова, С. А. Шатова, Н. Д. Эриашвили и других ученых.

Только Е. В. Благов особо выделил и объединил квалифи-

кацию при конкуренции норм уголовного права, совершении нескольких преступлений и изменении уголовного закона, добавив к ним квалификацию при действии уголовно-процессуальных запретов, в одну подотрасль уголовно-правовой квалификации и назвал ее квалификацией при совершении преступления. В то же время он вышел за пределы уголовно-правовой материи и не увидел общности приведенных видов уголовно-правовой квалификации с квалификацией неоконченного преступления и соучастия в преступлении.

Цель данного исследования состоит в формировании концепции дополнительной квалификации преступлений и в разработке на этой основе предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Полученные нами результаты исследования имеют значение для дальнейшей научной разработки вопросов уголовно-правовой квалификации. Возможно использование материалов исследования в учебном процессе при преподавании курса «Уголовное право», а также различных дисциплин специализации. Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в нем предложения могут быть учтены при совершенствовании уголовного законодательства. В работе также содержится ряд рекомендаций, касающихся разрешения спорных вопросов дополнительной квалификации преступлений, имеющих большое значение для органов предварительного расследования,

адвокатов, прокуратуры и судов.

Глава I

Понятие дополнительной квалификации преступлений

§ 1. Признаки дополнительной квалификации преступлений

Слово «квалифицировать» в русском языке означает, в частности, «оценить (—ивать), определить (—лять) каким-нибудь образом»¹. Оно восходит к латинскому термину *gualificatio* (от *gualis* – какой, какого качества и *facere* – делать). Последний понимается как оценка, определение, характеристика чего-либо (с точки зрения качества, степени достоинства), отнесение к какой-либо группе, категории².

Тем самым нет никаких сомнений, что в уголовном праве квалификацией должна считаться материально-правовая оценка соответствующего деяния. Однако в современном Уголовном кодексе отсутствует даже упоминание о какой-либо квалификации.

Правда, о квалификации нередко говорится в уголовно-процессуальном законе. Скажем, в одних его статьях речь идет о квалификации преступления (ст. 39, 40.1, 231, 301,

307, 396, 454 УПК РФ), в других – о квалификации действий (ст. 37, 38, 221), квалификации содеянного (ст. 347, 348, 351, 387), юридической квалификации деяния (ст. 246), правовой квалификации деяния (ст. 460).

Одновременно в Уголовно-процессуальном кодексе определения перечисленных обозначений квалификации отсутствуют. Вряд ли это случайность. Дело в том, что само по себе упоминание квалификации в уголовно-процессуальном законодательстве не может предопределить ее природу. Напротив, сам Уголовно-процессуальный кодекс подчеркивает материально-правовой характер квалификации.

Так, в п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ установлена возможность «переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более мягкое наказание». В ч. 3 ст. 301 УПК РФ отражена квалификация преступления «по уголовному закону, предусматривающему менее тяжкое преступление». В ч. 5 ст. 396 УПК РФ содержится положение о квалификации преступления «по Уголовному кодексу Российской Федерации». Ссылка на уголовное законодательство недвусмысленно свидетельствует о материальной природе квалификации.

Исходя из контекста уголовно-процессуального законодательства, все приведенные обозначения квалификации означают одно и то же. В литературе возражения имеются лишь против квалификации действий³. И с ними необходимо согласиться по следующим основаниям. Во-первых, преступ-

ления могут совершаться путем не только действия, но и бездействия. Во-вторых, для материально-правовой оценки важны все признаки каждого состава преступления. По букве же Уголовно-процессуального кодекса прокурор вправе, например, возвратить уголовное дело дознавателю или следователю с письменными указаниями о квалификации действий обвиняемых или для изменения квалификации их действий, но не вправе это осуществить в отношении других признаков состава преступления.

Применительно к остальным обозначениям квалификации в уголовно-процессуальном законодательстве сущностных возражений не возникает. Вместе с тем в отношении их многообразия возникают сомнения. Оно создает благоприятную почву для появления различий в понимании юридически одинаковых явлений. Следствием может быть неправильное применение уголовно-правовых предписаний лишь вследствие в принципе верных представлений о том, что для описания одного и того же нормотворец не должен использовать разные наименования. Отсюда, по нашему мнению, неоправданную синонимию при указании на квалификацию из Уголовно-процессуального кодекса лучше удалить.

Положение с использованием термина «квалификация» в литературе близко уголовно-процессуальному законодательству. Конечно, чаще всего ученые пишут о квалификации преступлений. В то же время они нередко используют и другие обозначения квалификации. Так, Б. А. Куринов

упоминал о правовой квалификации преступления, уголовно-правовой квалификации общественно опасного деяния, уголовно-правовой квалификации преступления и т. п.⁴

В. Н. Кудрявцев отмечал, что «уголовно-правовая квалификация – частный случай юридической квалификации. Действие или бездействие человека может быть квалифицировано как гражданский деликт, административное правонарушение, дисциплинарный проступок, уголовное преступление и т. д.»⁵. Понятно, что последний автор под уголовно-правовой квалификацией подразумевал не что иное, как квалификацию преступления.

Современные исследователи искомого поступают подобным же образом. Хотя они в основном используют словосочетание «квалификация преступления», все же иногда оно заменяется указанием на квалификацию деяния, содеянного, уголовно-правовую квалификацию⁶.

В отличие от текста нормативных актов в научных исследованиях синонимия, на наш взгляд, до определенных пределов допустима и даже нужна. Пока ясно, что речь идет об одном и том же объекте, ее использование позволяет не повторять вновь и вновь главное наименование, т. е. не допускать тавтологии.

Более того, не будет выглядеть как гипербола утверждение, что в уголовном праве продолжительный промежуток времени помимо преступления квалификация, как правило,

вообще не мыслилась. Между тем ситуация не осталась неизменной.

В. М. Галкин в свое время обратил внимание на то, что в действительности квалификация по уголовным делам производится не только в связи с вопросом о преступности деяния. В результате термин «уголовно-правовая квалификация» стал использоваться им в собирательном значении⁷.

Р. А. Сабитов положил начало использованию еще одного наименования, охватывающего различные виды квалификации в уголовном праве. Он ввел термин «квалификация уголовно-правовых деяний»⁸.

В литературе востребованы оба упомянутых термина. Причем зачастую они используются в качестве синонимов⁹.

Одновременно теоретиками были выделены новые виды квалификации в уголовном праве. Специалисты заговорили о квалификации посткриминального поведения¹⁰, обстоятельств, исключающих преступность деяния¹¹, деяний невменяемых¹² и малозначительного деяния¹³.

В науке сформулировано несколько определений понятия искомой квалификации. В. М. Галкин посчитал, что уголовно-правовая квалификация тождественна применению гипотезы нормы уголовного права¹⁴.

Р. А. Сабитов выработал две дефиниции квалификации уголовно-правовых деяний. С одной стороны, – это установление совпадения (несовпадения) фактических призна-

ков совершенного деяния и уголовно-правовых признаков состава общественно вредного (неправомерного) или социально полезного (правомерного) поведения, в результате чего определяется, какое уголовно-правовое деяние совершено и какой статьей (пунктом, частью статьи, примечанием к статье) Уголовного кодекса оно предусмотрено¹⁵. С другой стороны, «квалифицировать совершенное деяние – значит отнести его к определенному виду (группе) правонарушений или позитивных поступков, охарактеризовать его как правомерное или неправомерное»¹⁶.

Еще одно определение уголовно-правовой квалификации дал Е. В. Благов. Автор под ней понимает **«принятие и закрепление решения об оценке выявленного деяния на основе предписаний уголовного закона»**¹⁷.

Приведенные дефиниции не слишком отличаются друг от друга. И все-таки более точной, на наш взгляд, следует признать последнюю. Она в основном соответствует общепринятому подходу к квалификации преступления. Мнение В. М. Галкина не раскрывает специфические признаки уголовно-правовой квалификации. Р. А. Сабитов в одном определении это попытался сделать, но, по нашему мнению, не довел дело до логического конца, ибо, если происходит установление несовпадения фактических признаков совершенного деяния и уголовно-правовых признаков состава общественно вредного (неправомерного) или социально полезно-

го (правомерного) поведения, то в результате определяется, что уголовно-правовое деяние никакой статьей (пунктом, частью статьи, примечанием к статье) Уголовного кодекса не предусмотрено. В другом определении автор вышел за пределы уголовно-правовой материи.

Виды уголовно-правовой квалификации в литературе по общему правилу выделяются тождественные. В нее, кроме квалификации преступления, включаются квалификация общественно опасных деяний невменяемых, положительных и отрицательных посткриминальных деяний, малозначительных деяний и поведения лица при обстоятельствах, исключающих преступность деяния¹⁸. Данный список неточен вследствие, с одной стороны, избыточности, а с другой – неполноты. Объем понятия уголовно-правовой квалификации подлежит как сужению за счет исключения из него квалификации общественно опасных деяний невменяемых, так и расширению за счет введения в него дополнительных видов¹⁹.

Если к уголовно-правовой квалификации относить квалификацию общественно опасных деяний невменяемых, то ее видов можно назвать значительно больше. Их число должно вырасти за счет, скажем, квалификации общественно опасных деяний лиц, не достигших возраста наступления уголовной ответственности, невиновных, не преследующих соответствующих целей, не руководствующихся соответствующими мотивами.

Проблема особой квалификации общественно опасных деяний невменяемых, на наш взгляд, порождается тем, что при определении квалификации преступления во главу угла ставится, как правило, только положительный для уголовного права результат, и ею считается лишь оценка содеянного в качестве преступления. При этом исходят из того, что «анализ фактических обстоятельств дела и уяснение правовых норм могут привести к выводу, вообще исключающему какую-либо квалификацию по конкретному закону, предусматривающему наказуемость (например, к выводу об отсутствии события преступления, об отсутствии вины, о наличии обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, и т. д.)», вследствие чего квалификация преступления определяется как **«установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»²⁰**. Тем самым квалификация преступления мыслится исключительно позитивной. По существу, то же самое происходит, когда вместо точного соответствия говорят о подобии, тождестве, идентичности²¹.

Однако имеется теоретическая позиция, согласно которой квалификация преступления бывает позитивной и негативной²². Дело в том, что при сопоставлении признаков содеянного и состава преступления не исключается уста-

новление отсутствия общности между ними, говоря иначе, непреступности деяния. В последнем случае тоже происходит определение качества содеянного, но с отрицательным для уголовного права результатом, что выражается в негативной квалификации преступления²³. Она является обратной стороной позитивной квалификации.

Если квалификация преступления, как обычно считается²⁴, осуществляется по правилам простого категорического силлогизма, то иного, по нашему мнению, быть не может. При квалификации, скажем, убийства данный силлогизм будет выглядеть следующим образом:

- в части первой ст. 105 УК РФ предусмотрено умышленное причинение смерти другому человеку,
- Иванов совершил умышленное причинение смерти другому человеку,
- Иванов совершил то, что предусмотрено в части первой ст. 105 УК РФ.

Вместе с тем в общих правилах простого категорического силлогизма заложена принципиальная возможность и другого вывода: если одна из посылок отрицательная, то и заключение должно быть отрицательным²⁵. Например,

- в части первой ст. 105 УК РФ предусмотрено умышленное причинение смерти другому человеку,
- Иванов не совершал умышленного причинения смерти другому человеку,

• Иванов не совершил то, что предусмотрено в части первой ст. 105 УК РФ.

Таким образом, квалификация общественно опасных деяний невменяемого относится к случаям отсутствия состава преступления. Они же не выходят за пределы негативной квалификации преступления.

В теорию квалификации преступления традиционно включаются вопросы квалификации при конкуренции норм уголовного права, совершении нескольких преступлений, неоконченном преступлении, соучастии в преступлении, изменении уголовного закона и фактических материалов дела²⁶. При этом юридическим основанием квалификации преступления считается состав преступления, который *«представляет собой систему таких признаков, которые необходимы и достаточны для признания, что лицо совершило соответствующее преступление»*²⁷.

В каждом из приведенных случаев квалификации состав преступления, конечно, имеется. Вместе с тем во всех них соответствующих составов преступлений недостаточно.

При конкуренции норм уголовного права одно деяние предусматривается двумя или более нормами, а имея в виду квалификацию при ее наличии, – составами преступления. Из последних должен быть выбран один. В то же время каждый состав сам по себе не может служить подсказкой, ибо содеянное отражается всеми ими. Подсказка – в их соотношении.

Уголовно-правовые санкции при конкуренции норм тоже играют определенную роль²⁸, но ее не следует переоценивать. Прав был В. Н. Кудрявцев, считавший, что санкция статьи Особенной части Уголовного кодекса «должна приниматься во внимание при решении вопросов конкуренции» лишь для достижения цели «более глубоко и правильно понять смысл нормы и ее соотношение с другими нормами», тогда как «основой для решения указанных вопросов должен быть анализ действующего законодательства и раскрытие признаков конкурирующих составов»²⁹.

Действительно, конкурирующие нормы уголовного права, как правило, имеют разные санкции. Причем смысл введения таких норм не может заключаться ни в чем другом, кроме дифференциации наказуемости определенных преступлений. Изменение (повышение или понижение) наказания за их совершение вслед за соотношением составов только подтверждает законодательные предпочтения (приоритеты). Выходит, что в конечном счете для квалификации преступления при конкуренции норм уголовного права необходимо учитывать соотношение составов преступлений и уголовно-правовых санкций.

При совершении нескольких преступлений каждое деяние, конечно, квалифицируется путем сопоставления содеянного с составом соответствующего преступления. Между тем с помощью ни одного состава нельзя установить конкретный вид совершения нескольких преступлений, что

имеет значение для назначения наказания. Если совершение нескольких преступлений квалифицировано как совокупность, подлежит применению ст. 69 УК РФ, если же как рецидив – применяться будет ст. 68 УК РФ. При этом правила назначения наказания, которые предусмотрены в названных статьях, значительно различаются.

В части первой ст. 17 УК РФ «совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено», а в части первой ст. 18 «рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Признаков, изложенных в данных статьях, нет в составах преступлений, но они являются необходимыми при квалификации совершения нескольких преступлений как совокупности или рецидива³⁰.

Не менее очевидно, что состав преступления не является достаточным основанием для квалификации преступления при *изменении уголовного закона*. В части первой ст. 10 УК РФ предусмотрено, что закон, устраняющий преступность деяния или смягчающий наказание, распространяется, а закон, устанавливающий преступность деяния или усиливающий наказание, не распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до его вступления в силу. При этом состав преступления ни в том, ни в другом случае не способен предопределить итоговую квалификацию.

При указанных изменениях преступности деяния только один закон предусматривает состав преступления. Однако именно по нему содеянное не квалифицируется.

При указанных изменениях наказания состав преступления в обоих законах один и тот же. Квалификация же происходит на основе степени строгости наказаний.

Применительно к *изменению фактических материалов дела* все то же самое. Лишь при осуществлении предварительного расследования уточнение квалификации практически полностью связано с установленным уголовным законом составом преступления. В дальнейшем ситуация существенно меняется. Уже в ст. 252 УПК РФ сказано, что «изменение обвинения в суде допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту». Поскольку обвинение – «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом...» (п. 22 ст. 5 УПК РФ), квалификация преступления включается в обвинение. В то же время в суде произвести ее на основании установленного уголовным законом состава преступления, если этим ухудшается положение подсудимого и нарушается его право на защиту, нельзя. Запрещает такое названный уголовно-процессуальный запрет. Остаются *неоконченное преступление и соучастие в преступлении*. В соответствии с ч. 3 ст. 29 УК РФ «уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за

оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30 настоящего Кодекса», а с ч. 3 ст. 34 – «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 настоящего Кодекса...».

Необходимость указанных ссылок вытекает из того, что в Особенной части уголовного законодательства установлены составы преступлений, рассчитанные на оконченные преступления, совершенные исполнителями. В ней нет места неоконченным преступлениям, а также организаторству, подстрекательству и пособничеству. Составы неоконченных преступлений в общем виде сформулированы в части первой и ч. 3 ст. 30 УК РФ, а составы организаторства, подстрекательства и пособничества – в ч. 3–5 ст. 33. Они привязаны к составам, предусмотренным Особенной частью уголовного законодательства, лишь для дифференциации ответственности за разные преступления.

Поскольку во всех приведенных выше случаях соответствующих составов преступлений не достаточно, квалификация преступления в собственном смысле слова не осуществляется. Напротив, происходит совершенно иная квалификация. Ее виды, минуя квалификацию преступлений, напрямую относятся к уголовно-правовой квалификации.

Квалификацию при конкуренции норм уголовного права, при совершении нескольких преступлений, при изменении уголовного закона и при действии уголовно-процессуальных

запретов Е. В. Благов назвал квалификацией при совершении преступления³¹. Необходимость выделения такой квалификации (а равно уголовно-правовой) встретила негативную оценку Ю. Е. Пудовочкина.

По его мнению, «вряд ли целесообразно расширять понятие квалификации преступления за пределы установления признаков состава преступления в конкретном деянии»³², но ведь именно против этого и направлена позиция Е. В. Благова.

Сам же Ю. Е. Пудовочкин среди специальных правил квалификации преступления рассматривает те, которые относятся к конкуренции норм уголовного права, изменению уголовного законодательства, множественности преступлений, неоконченному преступлению и соучастию в преступлении³³ и не определяются составом соответствующего преступления.

Не возражая против выделения квалификации при совершении преступления, заметим, что ее виды не однородны. Квалификация при конкуренции норм уголовного права, совершении нескольких преступлений и изменении уголовного закона основана на уголовном законе и представляет собой надстройку над квалификацией преступления.

Квалификация при действии уголовно-процессуальных запретов – основана на уголовно-процессуальном законе и представляет собой препятствие для правильной квалифи-

кации преступления. Напротив, юридически однородны с первыми тремя видами квалификации квалификация при неоконченном преступлении и соучастии в преступлении.

Отсюда, по нашему мнению, из квалификации при совершении преступления может быть вычленен блок квалификации при конкуренции норм уголовного права, совершении нескольких преступлений и изменении уголовного закона и к нему присоединены квалификация при неоконченном преступлении и соучастии в преступлении. Все их в целом логично назвать **дополнительной квалификацией преступлений**.

Интересно, что термин «дополнительная квалификация преступлений» не нов для уголовного права. Он используется на практике при решении вопросов, требуется или не требуется квалификация вместе с одним преступлением другого³⁴, а также ссылка на ст. 33 УК РФ³⁵.

Правда, в первом случае дополнительная квалификация, на наш взгляд, не нужна. Хватает, собственно, квалификации еще одного преступления.

Одновременно следует отметить, что теоретического исследования дополнительной квалификации преступлений пока не предпринято. Мы намерены данное упущение восполнить.

Понятно, что дополнительной квалификации преступлений, если она, действительно, обладает самостоятельным статусом, должны быть присущи **признаки**, отличающие ее

от любой другой уголовно-правовой квалификации. Причем им надлежит быть общими для всех (или большей части) видов дополнительной квалификации.

Выделяя признаки понятия дополнительной квалификации преступлений, по нашему мнению, необходимо осветить ряд вопросов. Следует решить, что является ее эталоном, проявлением, сущностью и итогом.

На наш взгляд, *эталон* дополнительной квалификации преступлений выступает уголовный закон. Без него квалификация при конкуренции норм уголовного права (ч. 3 ст. 17 УК РФ), совершении нескольких преступлений (ч. 1 и 2 ст. 17, ст. 18 и другие), изменении уголовного закона (ст. 9 и 10), неоконченном преступлении (ст. 30) и соучастии в преступлении (ст. 33) невозможна.

Дополнительная квалификация преступлений *проявляется*, прежде всего, в виде некой деятельности, ибо произвести уголовно-правовую оценку содеянного без сравнения его с соответствующим эталоном невозможно. При этом происходит сопоставление объектов, занимающее определенный отрезок времени.

Говоря иначе, дополнительная квалификация преступлений всегда выступает определенным мыслительным процессом. Исключительно благодаря его наличию и можно выработать, а также рекомендовать для применения определенные правила данной квалификации.

Вместе с тем сам по себе мыслительный процесс, пока он

не завершен, не способен породить никаких уголовно-правовых последствий. Его итогом будет принятие решения о результатах сравнения содеянного с соответствующим эталоном.

Как правильно отмечал применительно к квалификации преступления поддержанный теоретиками В. Н. Кудрявцев, «подчеркнуть связь и единство» процесса и его результата «более важно, чем отметить их различие»³⁶. Результат без процесса немыслим, а процесс без результата бессмыслен. Процесс в дополнительной квалификации преступлений означает деятельность по принятию решения об оценке содеянного, результат же – принятое решение. С последним связаны существенные особенности дополнительной квалификации преступлений. Ими являются надстроечный характер и необязательность отражения в процессуальных документах.

Надстроечный характер дополнительной квалификации преступлений означает ее производство после квалификации преступления. Дополнительная квалификация происходит тогда, когда уже установлено, что содеянное предусмотрено определенными составами преступления (определенным составом преступления), но этого еще недостаточно, чтобы дать окончательную уголовно-правовую оценку содеянного.

Необязательность отражения дополнительной квалификации преступлений в процессуальных документах означает

факультативный характер этого. Скажем, в процессуальных документах часто отсутствует квалификация преступлений по совокупности в виде ссылки на ст. 17 УК РФ.

Правда, дополнительная квалификация преступлений вполне может получить отражение в процессуальных документах. Речь идет о квалификации со ссылкой на ст. 30 или 33 УК РФ.

Сущность дополнительной квалификации преступлений тоже связана с тем, что она – мыслительный процесс. Последний происходит в определенных логических формах. Поскольку осуществляемая при этом оценка содеянного дает опосредствованное (выводное) знание, логической формой такой квалификации является умозаключение – форма мышления, при которой из одного или нескольких суждений выводится новое. Исходные суждения являются посылками, а новое – заключением³⁷.

В случае дополнительной квалификации преступлений всегда имеются две посылки. Ими являются суждения о: 1) соответствующих предписаниях закона; 2) установленных признаках содеянного. Роль обеих посылок, первая из которых называется большой, а вторая малой, заключается в следующем: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение»³⁸.

Выходит, что дополнительная квалификация преступлений происходит по правилам простого категорического сил-

логизма. Вывод в нем возможен лишь при наличии среднего термина – понятия, входящего в обе посылки и отсутствующего в заключении³⁹. При квалификации, скажем, рецидива преступлений данный силлогизм будет выглядеть следующим образом:

- в ч. 1 ст. 18 УК РФ предусмотрено, что рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление,
- Иванов совершил умышленное преступление, имея судимость за ранее совершенное умышленное преступление,
- Иванов совершил то, что в части первой ст. 18 УК РФ предусмотрено как рецидив преступлений.

Средним термином в приведенном примере является совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Он связывает обе посылки, позволяя прийти к сделанному заключению.

В то же время, как отмечалось, в общих правилах категорического силлогизма заложена принципиальная возможность и другого вывода: если одна из посылок отрицательная, то и заключение должно быть отрицательным. Скажем,

- в части первой ст. 18 УК РФ предусмотрено, что рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление,

- Иванов не совершал умышленного преступления, имея судимость за ранее совершенное умышленное преступление,
- Иванов не совершил то, что в части первой ст. 18 УК РФ предусмотрено как рецидив преступлений.

Значит, дополнительной квалификации преступлений свойственны решения двух видов. Они могут быть как положительными, так и отрицательными.

Сложно не заметить, что в *итоге* дополнительной квалификации преступлений выявляется только одно – наличие или отсутствие связи между соответствующими предписаниями закона и установленными признаками содеянного. Эта связь отражается через предусмотренность либо непредусмотренность соответствующими предписаниями закона установленных признаков содеянного. Не случайно в ст. 17 УК РФ трижды упоминается предусмотренность преступлений уголовно-правовыми предписаниями.

Получается, что **дополнительной квалификацией преступлений** следует считать, на наш взгляд, **принятие в соответствующем случае решения о предусмотренности (или непредусмотренности) выявленных признаков содеянного уголовным законом после установления их предусмотренности (или непредусмотренности) соответствующим составом преступления**. Вместе с тем анализа содержания искомого понятия недостаточно для полного познания такой квалификации.

§ 2. Виды дополнительной квалификации преступлений

Необходимым компонентом исследования любого понятия является установление, помимо его содержания, еще объема. Стало быть, нужно различать **виды** дополнительной квалификации преступлений.

Как выше отмечено, к дополнительной квалификации преступлений относятся те случаи, применительно к которым соответствующий состав преступления не является достаточным основанием для окончательной квалификации. Одним из таких случаев является совершение нескольких преступлений. Оно в литературе, как правило, называется множественностью преступлений⁴⁰.

Между тем Е. В. Благов выступил против использования термина «множественность преступлений». Основным его аргументом является то, что «общих правил» квалификации множественности преступлений «пока никто не вывел, да и вряд ли мог вывести из-за аморфности содержания и объема термина «множественность преступлений»»⁴¹. Общих правил и квалификации преступления при конкуренции норм уголовного права и при изменении уголовного закона тоже никто не выработал, но автор сомнению наличие конкуренции норм уголовного права и изменений уголовного закона

не подвергает. Недостаточность же законодательных и теоретических решений, по нашему мнению, – повод не для отказа множественности преступлений в самостоятельном статусе, а для углубления научных исследований. Отсюда в ходе дальнейшего изложения материала речь будет идти именно о множественности преступлений.

Итак, по характеру различаются следующие виды дополнительной квалификации преступлений: 1) при конкуренции норм уголовного права; 2) при множественности преступлений; 3) при изменении уголовного закона; 4) при неоконченном преступлении; 5) при соучастии в преступлении. Однако дополнительная квалификация может быть классифицирована и иначе.

С позиции назначения дополнительная квалификация преступлений бывает позитивной и негативной. При *позитивной* дополнительной квалификации происходит принятие решения о предусмотренности установленных признаков содеянного уголовным законом. При негативной же дополнительной квалификации – принятие решения о непредусмотренности установленных признаков содеянного уголовным законом. Скажем, признание совокупности преступлений означает позитивную дополнительную классификацию при множественности преступлений, непризнание же – негативную.

В зависимости от достигнутого результата дополнительная квалификация преступлений бывает правильной и

неправильной. Вместе с тем В. Г. Беляев применительно к квалификации преступления заметил, что «неправильная квалификация – это вообще не квалификация..., подобно тому как неправильный диагноз можно ли вообще называть диагнозом?»⁴². Нельзя не заметить, что вопреки поставленному вопросу неправильный диагноз автор все-таки назвал диагнозом. Также обстоит дело и с неправильной квалификацией.

Выделению неправильной квалификации преступления, вероятно, мешает подход, включающий в определение ее понятия признак точного соответствия (или аналогичный). Как обоснованно отметила Е. Н. Лаптева, «в таком определении речь идет лишь о правильной квалификации»⁴³.

Слово «правильный» в русском языке означает не отступающий от правил, норм, пропорций, вполне закономерный, регулярный, верный, соответствующий действительности, такой, как должно⁴⁴. Обратное (противоположное), естественно, охватывается словом «неправильный».

Более того, возможность неправильной квалификации преступления заложена в нарушениях общих правил категорического силлогизма, одно из которых – наличие только трех терминов. Когда происходит учетверение терминов, заключение может быть ложным⁴⁵. Например:

- в ч. 3 ст. 158 УК РФ предусмотрена кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище,

- Иванов совершил кражу с незаконным проникновением в жилище,
- Иванов совершил то, что предусмотрено в ч. 3 ст. 158 УК РФ.

По смыслу ст. 158 УК РФ при совершении кражи с незаконным проникновением в жилище умысел на хищение чужого имущества должен возникнуть до проникновения в жилище. Как разъяснено в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, «если лицо находилось там правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу..., в его действиях указанный признак отсутствует»⁴⁶. При условии, что у Иванова умысел на хищение возник после появления в чужом жилище, квалификация по ч. 3 ст. 158 УК РФ исключена. Учетверение терминов и неправильное построение категорического силлогизма может стать следствием понимания термина «с незаконным проникновением в жилище» в малой посылке в ином значении (в котором главенствующую роль играет то, что кража совершается из жилища).

Следовательно, при *правильной* дополнительной квалификации преступлений осуществляется принятие решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных признаков содеянного законом, которым оно действительно охватывается (или не охватывается). При *неправильной* же дополнительной квалификации – принятие решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установ-

ленных признаков содеянного законом, которым оно на самом деле не охватывается (или охватывается).

Неправильная дополнительная квалификация преступлений имеет свои разновидности, собственное внутреннее деление. По механизму возникновения она бывает избыточно-недостаточной и иной неадекватной.

Е. Н. Лаптева, изучая квалификацию преступления, нашла, что «неправильная квалификация, в свою очередь, может быть двух видов: а) недостаточная квалификация, когда признаки преступления не находят полного отображения в применяемой для уголовно-правовой оценки норме; б) избыточная квалификация, когда признаки преступления находят излишнее отображение в применяемой для уголовно-правовой оценки норме»⁴⁷. Е. В. Благов обоснованно посчитал такое решение неточным в связи с тем, что неправильная квалификация преступления «возникает также тогда, когда имеет место неполное и излишнее отображение соответствующих признаков одновременно»⁴⁸. Все это характерно и для дополнительной квалификации преступлений.

В случае *избыточно-недостаточной* дополнительной квалификации одни предписания закона отображаются излишне, другие же не находят отображения. В случае *иной неадекватной* дополнительной квалификации происходит либо то, либо другое.

Поскольку иная неадекватная дополнительная квалификация преступлений неоднородна по характеру отображения

предписаний закона, она, в свою очередь, распадается на две разновидности. Вот ими-то и следует считать избыточную и недостаточную дополнительную квалификацию.

В *избыточной* дополнительной квалификации преступлений отдельные предписания закона отображаются излишне. В *недостаточной* дополнительной квалификации отдельные предписания закона не находят отображения.

Выделенные виды дополнительной квалификации преступлений могут быть наглядно проиллюстрированы на примере квалификации множественности преступлений. Если в совокупность вместе с преступлением, предусмотренным специальной нормой, будет включено преступление, предусмотренное общей нормой, и не будет включено одно из преступлений, составляющих идеальную совокупность, налицо избыточно-недостаточная дополнительная квалификация. Если в совокупность вместе с преступлением, предусмотренным специальной нормой, будет включено преступление, предусмотренное общей нормой, налицо избыточная дополнительная квалификация. Если в идеальную совокупность не будет включено одно из преступлений, ее образующих, налицо недостаточная дополнительная квалификация.

По происхождению неправильная дополнительная квалификация преступлений бывает ошибочной и объективно неправильной. Применительно к квалификации преступления И. Я. Кливер уже обращал внимание на то, что «не всякое изменение квалификации вышестоящим судом мо-

жет рассматриваться как ошибка... Принятие, изменение или отмена уголовных законов могут вызвать необходимость иной правовой оценки, но в этих случаях судебная ошибка отсутствует»⁴⁹. Это и есть объективно неправильная квалификация⁵⁰.

В самом деле, в русском языке под ошибкой понимается неправильность в действиях, в мыслях⁵¹, а в психологии – отступление от правильной модели⁵². Отсюда следует, что ошибочной дополнительная квалификация преступлений бывает лишь тогда, когда зависит от самого квалификатора. В то же время, если она оказывается неправильной из-за изменений уголовного законодательства, которые происходят уже после ее осуществления, дополнительная квалификация не может считаться ошибочной. Она объективно неправильная.

При *ошибочной* дополнительной квалификации преступлений субъект квалификации осуществляет принятие решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных признаков содеянного уголовным законом, которым оно в действительности не охватывается (или охватывается). Таковое происходит, допустим, при квалификации единичного преступления в качестве идеальной совокупности преступлений и, наоборот, идеальной совокупности преступлений как единичного преступления.

При *объективно неправильной* дополнительной квалифи-

кации преступлений принятие решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных признаков содеянного уголовным законом, которым оно в действительности не охватывается (или охватывается), вызывается изменением самого уголовного закона. Скажем, повышение в 2011 г. максимальной наказуемости преступлений небольшой тяжести с двух до трех лет лишения свободы повлекло объективно неправильную дополнительную квалификацию рецидива преступлений, если совершенное ранее умышленное преступление наказывалось на срок более двух, но не свыше трех лет лишения свободы.

Практически постоянный процесс обновления уголовного законодательства служит предпосылкой увеличения случаев объективно неправильной дополнительной квалификации преступления. В Уголовный кодекс 1996 г. за период с 1997 по 2014 г. включительно, т. е. за восемнадцать лет, изменения внесены около ста шестьюдесятью Федеральными законами. Тем самым в среднем он правится свыше девяти раз в год (чаще, чем каждые полтора месяца!). Рекордсменами были 2000 и 2014 гг. В первый из них (и единственный) изменения вообще не вносились, а в последний – произошли 23 раза. Многие статьи Уголовного кодекса трансформировались многократно. Иллюстрацией могут служить ст. 17 и 18 УК РФ о совокупности и рецидиве преступлений. Они действуют уже в третьей редакции и им недалеко до чемпионства.

Поскольку квалификаторы не могут поступать иначе, чем строго в рамках ст. 9 и 10 УК РФ, они дополнительную квалификацию преступлений осуществляют на дату постановления решения. В дальнейшем же объективированные намерения нормотворца вступают в силу, что нередко требует вносить изменения или отменять правильные на момент принятия решения.

Следует отметить, что объективно неправильная дополнительная квалификация преступлений, по нашему мнению, может быть следствием не только изменения уголовного закона. Иная ситуация возникла по делу Савкина. Постановляя приговор 8 ноября 2007 г. и усматривая в его действиях наличие опасного рецидива преступлений, суд исходил из того, что он был судим за тяжкое преступление (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ) к реальному лишению свободы и вновь совершил преступление, относящееся к категории тяжких (п. «б» ч. 2 ст. 18). Постановлением надзорной инстанции от 11 марта 2009 г. действия осужденного были переквалифицированы на п. «а» и «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, санкция которой, наряду с другими видами наказаний, предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет. Это деяние, согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ, является преступлением средней тяжести. В связи с внесенными судом надзорной инстанции в приговор изменениями основания для признания в действиях Савкина наличия опасного рецидива преступлений отпали. В соответствии с положениями части первой ст. 18 УК РФ

в действиях осужденного имеется простой рецидив преступлений⁵³. Говоря иначе, объективно неправильная дополнительная квалификация преступлений может быть следствием изменений, вносимых в саму квалификацию преступлений.

Квалификацию преступления многие авторы разделяют на истинную и неистинную⁵⁴. Между тем М. С. Строгович считал, что «понятие материальной истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела, но не к юридической (уголовно-правовой) оценке, квалификации этих фактов»⁵⁵.

Истина – «соответствие человеческих знаний действительности, совпадение человеческой мысли и объекта»⁵⁶. Суждения о фактах, обстоятельствах уголовного дела сопоставляются с действительностью. Если такие суждения соответствуют последней (совпадают мысль и объект), они истинны, если не соответствуют (не совпадают мысль и объект) – неистинны (ложны).

Квалификация преступления, как ранее отмечалось, происходит по правилам простого категорического силлогизма. При этом, обращает внимание Л. Л. Кругликов, сопоставляются суждения, но не «представление с объективной реальностью, что характерно для установления истины». Отсюда ученый приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что точнее «вести речь о правильности или неправиль-

ности квалификации, а не об истинности (либо неистинности) ее»⁵⁷.

Стало быть, деление дополнительной квалификации преступлений на истинную и неистинную необходимостью не вызывается. В результате классификация ее видов завершается.

Глава II

Дополнительная квалификация преступлений при конкуренции норм уголовного права

§ 1. Конкуренция норм уголовного права как предпосылка дополнительной квалификации преступлений

В Уголовном кодексе прямо о конкуренции норм уголовного права ничего не говорится. При этом в ч. 3 ст. 17 УК РФ установлено, что, «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Говоря иначе, в законе отражена ситуация, когда совершено одно преступление, оно предусмотрено двумя нормами (в данном случае – общей и специальной), а уголовная ответственность наступает по одной из них (в данном случае – по специальной). Именно такая ситуация (но не только описанная в ч. 3 ст. 17 УК РФ) рассматривается

в уголовно-правовой литературе как конкуренция норм уголовного права⁵⁸.

Однако нужно учитывать, что конкуренция норм уголовного права – неоднородное явление. Л. В. Иногамова-Хегай справедливо различает *«конкуренцию уголовно-правовых норм, возникающих в процессе регулирования уголовно-правового отношения при квалификации преступления, конкуренцию норм при назначении наказания, конкуренцию норм при освобождении от уголовной ответственности и конкуренцию норм при освобождении от наказания»*⁵⁹. Правда, применительно к конкуренции квалификация преступления не может дать окончательное решение, ибо содеянное в каждом случае подпадает под признаки нескольких составов преступлений. Чтобы выявить приоритеты, нужна дополнительная квалификация преступления. Поэтому в дальнейшем мы не будем исследовать ту часть конкуренции норм уголовного права, которая не относится к дополнительной квалификации преступлений.

В свою очередь неоднородна и конкуренция норм уголовного права при дополнительной квалификации преступлений. В уголовно-правовой науке по поводу видов конкуренции высказываются различные взгляды.

В. Н. Кудрявцев рассматривал «два основных вида конкуренции, различающихся между собой по содержанию совпадающих и несовпадающих признаков составов». Речь идет о конкуренции «общей и специальной норм» и конкуренции

«части и целого»⁶⁰.

Некоторые другие ученые также ограничиваются двумя видами конкуренции норм уголовного права. Вместе с тем они считают целесообразным различать лишь конкуренцию: а) общих и специальных норм; б) специальных норм⁶¹.

Отдельные авторы объединяют приведенные выше позиции. Они выделяют следующие виды конкуренции норм уголовного права: 1) общей и специальной; 2) специальных; 3) части и целого⁶².

Л. В. Иногамова-Хегай различает *«содержательную, темпоральную (хронологическую), пространственную и иерархическую конкуренции уголовно-правовых норм»*. Видами содержательной конкуренции, по ее мнению, являются: *«а) конкуренция общей и специальной норм; б) конкуренция части и целого; в) неоднократная конкуренция общей и специальной норм, а также нормы-части и нормы целого; г) конкуренция общей (специальной, нормы-части или нормы-целого) и исключительной норм»*⁶³.

Н. К. Семернева считает, что наиболее часто встречаются *«конкуренция общей и специальной нормы; части и целого; основной и квалифицированной нормы; квалифицированной и особо квалифицированной нормы; квалифицированной и привилегированной нормы; двух привилегированных норм»*⁶⁴. В. С. Савельева к приведенному перечню добавляет конкуренцию норм, определяющих *«основной и*

привилегированный составы преступлений»⁶⁵.

В. П. Малков применительно к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. выделил такие виды конкуренции уголовно-правовых норм, как: 1) конкуренция общей и специальной норм; 2) конкуренция специальных норм; 3) конкуренция норм союзного и республиканского значения; 4) конкуренция норм различных союзных республик; 5) конкуренция норм, изданных в разное время; 6) конкуренция норм национального уголовного законодательства с нормами уголовного законодательства иностранных государств; 7) конкуренция норм национального уголовного права с нормами международного права⁶⁶. Сразу отметим, что в связи с распадом СССР соответствующие виды конкуренции норм уголовного права уже не могут возникать. Поэтому в дальнейшем к ним обращаться не имеет смысла.

Как видно, в теории единство взглядов наблюдается лишь в отношении выделения конкуренции общей и специальной нормы. Вероятно, дело, прежде всего, в предписаниях ч. 3 ст. 17 УК РФ. В то же время это не стало помехой для Н. Ф. Кузнецовой, выступившей за то, что «логичнее отказаться от неизвестного УК и практики понятия «конкуренция», а употреблять законодательную терминологию о квалификации по общей и специальной нормам»⁶⁷. Последнее сделать не сложно, но не может не возникнуть вопрос о том, почему одно преступление оказывается предусмотренным двумя

нормами, и уголовная ответственность наступает только по одной из них. На него и отвечает слово «конкуренция».

Причем в Уголовном кодексе не употребляется и термин «квалификация», но это не мешает автору им оперировать. Напротив, на практике понятие «конкуренция» все-таки используется. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам по делу С. сказано, что осуждение ее по ч. 2 ст. 303 УК РФ и исключение из обвинения части первой ст. 285 «соответствует правилам конкуренции норм, предусмотренным ч. 3 ст. 17 УК РФ»⁶⁸.

С конкуренцией части и целого также все не просто. Ее А. Н. Трайнин считал поглощением составов⁶⁹, В. П. Малков рассматривал как поглощение преступлений⁷⁰, а Н. Ф. Кузнецова относил к квалификации сложных преступлений, совокупности преступлений и единичных преступлений⁷¹. Такие подходы не дают ответ на вопрос, почему в соответствующих случаях поглощаются составы или преступления либо отсутствует совокупность преступлений, а деяние является единичным преступлением, в том числе – сложным. На него опять отвечает слово «конкуренция».

В. Б. Шакин отрицает наличие конкуренции части и целого⁷², ссылаясь на мнение В. П. Малкова о том, что «конкурирующие нормы находятся между собой в глубокой взаимосвязи», при которой, «если бы одна из двух конкурирующих норм к моменту применения была отменена, то под-

лежащий урегулированию случай мог быть разрешен на основании оставшейся нормы права»⁷³. Это вовсе не противоречит, на наш взгляд, конкуренции части и целого. Если будет отменена норма-часть, то применяется норма-целое. Если будет отменена норма-целое, при прочих равных условиях придется применять норму-часть, хотя, конечно, квалификация будет урезанной.

Напротив, все остальное, что в науке вносят в конкуренцию норм уголовного права, ей, на наш взгляд, не является⁷⁴. Оно основано на ином соотношении данных норм.

Чаще всего в конкуренцию специальных норм включают конкуренция норм со смягчающими и отягчающими обстоятельствами, конкуренция норм со смягчающими обстоятельствами, конкуренция норм с отягчающими обстоятельствами⁷⁵. Между тем иногда нормы со смягчающими обстоятельствами не вводят в конкуренцию специальных норм⁷⁶. Говоря иначе, к конкуренции специальных норм относится многое из того, что называют самостоятельными видами конкуренции Н. К. Семернева и В. С. Савельева и что позволяет особо не останавливаться на критике взглядов последних.

Однако имеется и другой взгляд на конкуренцию специальных норм. Так, Е. В. Благов обосновал ее отсутствие⁷⁷. Мы его в этом поддерживаем.

Т. А. Костарева высказала мнение, что в случае конкурен-

ции «нескольких пунктов (или частей) статьи, предусматривающих усиливающие ответственность признаки, применяется тот пункт (или часть), который содержит наиболее тяжкий признак из имеющихся в данном конкретном случае. При этом в описательной части приговора должны быть указаны все квалифицирующие признаки деяния»⁷⁸. Конкуренция частей статьи, «предусматривающих усиливающие ответственность признаки», конечно, может быть. Вместе с тем она возникает только при совершении одного преступления, соответствующие квалифицирующие обстоятельства которого одновременно установлены признаками нескольких частей одной и той же статьи. Причем преступление подлежит квалификации лишь по одной из частей статьи. Правда, такая конкуренция лежит в рамках отраженного в ч. 3 ст. 17 УК РФ соотношения общей и специальной нормы.

В иных случаях «конкуренции нескольких пунктов (или частей) статьи, предусматривающих усиливающие ответственность признаки», не возникает. Так, в рамках современного уголовного законодательства при квалификации беспредметно выбирать какой-либо из нескольких пунктов одной и той же части статьи его Особенной части. В них предусмотрены квалифицированные составы преступлений, каждый из которых содержит признак, отсутствующий в другом, что означает соотношение смежных составов, а не конкуренцию норм уголовного права, при которой только одна из них имеет признаки, отсутствующие в другой⁷⁹.

Не случайно Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъяснил, что «убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя или более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам»⁸⁰. Противоречит этому п. 13, согласно которому, «по смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ»⁸¹. По крайней мере, цель и мотив во всех статьях Особенной части уголовного законодательства – отдельные признаки субъективной стороны преступления. Следовательно, они не способны поглощать друг друга. Более того, совершение преступления может преследовать несколько целей. Если все они криминализованы, то все и должны быть подвергнуты квалификации (например, убийство, совершенное с целью скрыть совершение преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ, может быть совмещено с целью использования органов или

тканей потерпевшего).

Из судебной практики, разумеется, вытекает указание в описательной части приговора на «все квалифицирующие признаки». Например, в п. 17 постановления того же Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 сказано, что «в случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями статей 158, 161 или 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой предусмотрено более строгое наказание. При этом в описательной части приговора должны быть приведены все квалифицирующие признаки деяния»⁸². В то же время последнее применимо не ко всем таким признакам. Не случайно, Т. А. Костарева делает оговорку о том, что «указание на все квалифицирующие признаки будет, видимо, излишним в случаях, когда последующий признак конкретизирует предыдущий и является как бы следующим этапом в логической цепочке развития преступления... В этом случае достаточно указать в приговоре на последний из парных признаков, предшествующий как бы поглощается им»⁸³.

Действительно, нет необходимости приводить в приговоре квалифицирующие признаки, указанные в части статьи Особенной части уголовного законодательства, предусматривающей менее строгое наказание, которые включают в се-

бя содержание квалифицирующих признаков, указанных в части статьи Особенной части уголовного законодательства, предусматривающей более строгое наказание. Скажем, при совершении кражи в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ) не следует приводить такие признаки, как в крупном размере (п. «в» ч. 3) или с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2), ибо значительный ущерб гражданину не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей, крупным размером признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – миллион рублей (примечания 2 и 4 к ст. 158). Между тем это конкуренция не специальных норм, а общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Одновременно части статей Особенной части Уголовного кодекса, описывающие иные квалифицирующие признаки, не конкурируют друг с другом. С их помощью дается уголовно-правовая оценка различным обстоятельствам дела, а конкуренция способна возникать исключительно в отношении одинаковых обстоятельств.

Если конкуренция специальных норм действительно существует, то должны быть относящиеся лишь к ней общие правила дополнительной квалификации преступлений. Таковых же никто не формулирует.

Явно не является общим для конкуренции специальных норм правило, согласно которому, «при конкуренции специальных уголовно-правовых норм приоритет должен от-

даваться норме, предусматривающей более мягкую уголовную ответственность», когда одновременно утверждается, что «при конкуренции специальных норм с отягчающими обстоятельствами приоритет отдается нормам с наиболее отягчающими обстоятельствами»⁸⁴. Нельзя считать общим и правило, в соответствии с которым при наличии «двух специальных норм предпочтение должно отдаваться... более специальной норме, содержащей более подробное описание любого элемента состава преступления...»⁸⁵. Им можно руководствоваться при конкуренции норм со смягчающими и отягчающими обстоятельствами или с несколькими отягчающими обстоятельствами. Однако оно вовсе не касается норм со смягчающими обстоятельствами, ибо ни в одной из них нет более подробного описания элементов (признаков), предусмотренных в другой норме.

Исходя из ранее описанного, для норм со смягчающими и отягчающими обстоятельствами или с несколькими отягчающими обстоятельствами, на наш взгляд, вполне достаточно более простых правил дополнительной квалификации преступлений, которые основаны на отраженной в ч. 3 ст. 17 УК РФ конкуренции общей и специальной нормы. Причем именно она ясно прослеживается, когда, например, В. Н. Кудрявцевым разъясняется, что, «хотя ст. 106, 107, 108 являются специальными нормами..., когда ст. 105 упоминает об убийстве при отягчающих обстоятельствах, она имеет в виду те формы этого преступления, которые не подпадают

под признаки ст. 107 и 108 УК»⁸⁶.

Что касается конкуренции норм со смягчающими обстоятельствами, то для ее выделения, по нашему мнению, нет нормативных оснований. Предписания ст. 106–108 и 113, 114 УК РФ, применительно к которым она обычно обсуждается⁸⁷, сформулированы законодателем таким образом, что содеянное в соответствующих случаях всегда предусмотрено только одной из приведенных статей.

Так, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено, что «следует отграничивать убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ) от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) (ст. 107 и 113 УК РФ), принимая во внимание, что для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, обязательным признаком преступлений, совершаемых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием именно указанного волнения, тогда как для преступ-

лений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, этот признак (наличие аффекта) не обязателен.

Если оборонявшееся лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ»⁸⁸. При всей справедливости последнего вывода его обоснование, по нашему мнению, сомнительно.

Разумеется, и превышение пределов необходимой обороны, и аффект бывают реакцией именно на общественно опасное посягательство потерпевшего. Мало того, превышение пределов необходимой обороны порой возникает даже в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, но не сильного, чтобы считаться аффектом.

Дело в том, что превышение пределов необходимой обороны является следствием самой обороны. Тем самым оно, как сама необходимая оборона, происходит «при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства» (ст. 37 УК РФ). Следовательно, превышению пределов необходимой обороны свойственен «обязательный признак – специальная цель: защиты, отражения посягательства...»⁸⁹.

Цели защиты от посягательства, на наш взгляд, не может возникнуть при аффекте. Он – «(от латинского *affectus* – душевное волнение) **внезапно возникающее в острой кон-**

фликтной ситуации чрезмерное нервно-психическое перевозбуждение, проявляющееся во временной дезорганизации сознания (его сужении) и крайней активизации импульсивных реакций»⁹⁰. При аффекте «проявляется дефектность восприятия, выражающаяся в так называемом сужении сознания: сознание фиксируется только на том, что вызвало аффект, а все остальное становится лишь фоном»⁹¹. Выходит, прав Б. В. Сидоров, считающий, что «причинение физического вреда потерпевшему составляет *цель* ответных действий виновного в состоянии аффекта, которые хотя и носят вынужденный характер, но не являются необходимым и единственным выходом из сложившейся ситуации, в то время как насилие со стороны обороняющегося преследует цель защиты охраняемых законом личных и общественных интересов, а причинение вреда нападающему является лишь *средством*, способным обеспечить такую защиту»⁹².

Стало быть, при превышении пределов необходимой обороны имеется признак, отсутствующий при аффекте, – защита от посягательства, а при аффекте – признак, отсутствующий при превышении пределов необходимой обороны, – сильное душевное волнение, т. е. опять речь идет не о конкуренции норм, а о соотношении смежных составов преступлений. Исключительно им и должна предопределяться квалификация соответствующих деяний. Отсюда, вопре-

ки высказанному взгляду⁹³, необходимая оборона не может совершаться в состоянии аффекта, а деление аффектов на те, которые характерны для аффектированных преступлений (гнева, ненависти, отчаяния) и необходимой обороны (страха, ужаса)⁹⁴, с точки зрения уголовного права неверно.

Таким образом, никакой самостоятельной роли в уголовном праве конкуренция специальных норм, действительно, не играет. Не исключено, что недоразумение с выделением такой конкуренции вытекает из соотношения с основным составом преступления квалифицированного и привилегированного составов. Вместе с тем последние являются специальными применительно не друг к другу или внутри себя, а к основному составу преступления. Между собой и внутри себя квалифицированный и привилегированный составы, как отмечалось, могут находиться лишь в конкуренции общей и специальной нормы⁹⁵ либо вообще не конкурируют.

Неоднократную конкуренцию норм уголовного права, по нашему мнению, сложно считать самостоятельным видом конкуренции. Сама Л. В. Иногамова-Хегай признает, что первая основана на конкуренции общей и специальной норм, а также нормы-части и нормы-целого⁹⁶. В таком случае неоднократная конкуренция норм уголовного права определяет не содержание, а объем конкуренции, которая еще бывает однократной, но это уже – другое направление исследования.

Конкуренция общей (специальной, нормы-части или нор-

мы-целого) и исключительной норм, как нам представляется, вообще не возникает. Об этом, в сущности, прямо свидетельствует сам автор выделения такой конкуренции, когда в отношении общей и специальной нормы указывает, что исключительная норма «никогда не выступает как один из случаев общей, регулируя отношение иначе, чем общая или специальная норма», а применительно к норме-части и норме-целому утверждает, что исключительная норма «не входит в содержание целого, представляя собой изъятие и регулируя отношение иным образом относительно нормы целого и нормы-части»⁹⁷. Если же исключительная норма такова, она явно не конкурирует ни с общей нормой, ни с нормой-целым.

Выделение темпоральной (временной), пространственной (территориальной) и иерархической конкуренции норм уголовного права мы считаем не до конца продуманным. Е. В. Благов полагает, что в отличие от других видов конкуренции уголовно-правовых норм «особенность первой заключается в решении вопроса об определении действующего в отношении данного случая уголовного закона, второй – в отсутствии влияния на квалификацию преступления, третьей – в выходе за пределы непосредственно уголовно-правового регулирования»⁹⁸. Кроме первого аргумента, остальные нам кажутся излишними.

Во всех трех названных видах якобы конкуренции норм уголовного права, на наш взгляд, решается один и тот же во-

прос о том, какая из нескольких норм является действующей в отношении совершенного деяния. Не случайно Б. А. Куринов некоторые, выделяемые В. П. Малковым виды конкуренции уголовно-правовых норм, отнес «к проблеме действия уголовного закона в пространстве»⁹⁹. При конкуренции же норм, судя по ч. 3 ст. 17 УК РФ, в отношении совершенного деяния действуют все нормы. Собственно, то же самое относится и к выделяемой В. П. Малковым конкуренции национального уголовного законодательства с нормами уголовного законодательства иностранных государств.

В то же время А. П. Козлов высказал мнение, что конкуренции в уголовном праве нет, а есть *«одно общее правило квалификации: при квалификации применяется норма уголовного права, которая содержит специфические признаки, отсутствующие в других нормах права и имеющиеся в конкретно содеянном»*¹⁰⁰. Приведенное правило, скорее, всеобщее и как следствие слишком абстрактное. Для его конкретизации формулируются и другие правила с разным уровнем типичности¹⁰¹, в том числе – при конкуренции уголовно-правовых норм.

Мы полагаем, что опровержение наличия конкуренции норм уголовного права связано со словом «конкуренция», а не с существом дела. Оно, означая соперничество, борьбу за достижение больших выгод, преимуществ¹⁰², наверное, не слишком точно. Между тем при наличии положений в ч. 3 ст.

17 УК РФ куда важнее не отрицание конкуренции норм, а адекватное толкование закона. Такового же не видно, когда урегулированная в ч. 3 ст. 17 УК РФ конкуренция общей и специальной нормы оспаривается применительно к основному и квалифицированному составу естественностью (аксиоматичностью), что «применяется при квалификации та норма, которая содержит признаки содеянного, а не та, которая их не содержит», тогда как конкуренция части и целого опровергается тем, что, «если какая-то норма включает в себя признаки другой нормы, то вообще исчезает проблема их соотношения; данной проблемы просто нет, поскольку в законе соединены две нормы в одну»¹⁰³.

Проблемы конкуренции общей и специальной уголовно-правовой нормы, действительно, нет, если имеется норма, которая не содержит признаков, содержащихся в другой норме. Однако в квалифицированном составе преступления не могут не присутствовать признаки основного. В этом убедиться просто. Достаточно обратить внимание на то, что вторые части статей Особенной части уголовного законодательства начинаются повторением признаков основного состава преступления (ч. 2 ст. 109, 291 УК РФ), словами «деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи...» или «деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи...» (ч. 2 ст. 165, 174.1, 204, 242.1, 271.1, 273, 274 и др.), «те же деяния...» или «то же деяние...» (ч. 2 ст. 111 и 112, ч. 2 ст. 115–121 и др.) и т. п. образом.

Проблема конкуренции части и целого исчезнет лишь с исключением одного из соответствующих составов преступлений из Уголовного кодекса. До тех же пор, пока в нем таких перемен не произойдет, и «какая-то норма», и та, в которой «соединены две нормы в одну», будут иметь место.

§ 2. Дополнительная квалификация преступления при конкуренции общей и специальной нормы

В ч. 3 ст. 17 УК РФ отражено, что, «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Это типовое правило дополнительной квалификации преступления при конкуренции общей и специальной нормы, согласно которому специальный закон отменяет действие общего (*lex specialis derogate legi generali*) и содеянное квалифицируется лишь по специальной норме.

Конкуренция общей и специальной нормы возникает в связи с особенностями уголовно-правового регулирования составов некоторых преступлений. В Уголовном кодексе содержатся и составы, которые отражают любой случай совершения определенного преступления, и составы, которые отражают отдельные случаи совершения того же преступления. Первые составы излагаются в общей норме, последние – в специальной норме. Причем, как отмечал В. Н. Кудрявцев, «существование специальной нормы наряду с общей нормой тогда имеет практический смысл, когда

эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания)»¹⁰⁴.

В соотношении общей и специальной нормы составы преступлений могут находиться по любым признакам (объекта и объективной стороны, субъекта и субъективной стороны). Для иллюстрации приведем соотношение составов преступлений, отраженных в ст. 285 и ч. 3 ст. 159 или 160 УК РФ. В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 разъяснено, что «в отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества. Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается ч. 3 ст. 159 УК РФ или ч. 3 ст. 160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требует»¹⁰⁵.

Л. В. Иногамова-Хегай считает, что конкуренция в рассматриваемых случаях отсутствует¹⁰⁶. И она права, если к

соотношению составов преступлений, отраженных в ст. 285 и ч. 3 ст. 159 или 160 УК РФ, подходить из изложенного подхода практики. Одни злоупотребления должностными полномочиями Пленумом Верховного Суда РФ отнесены к ст. 285 УК РФ, другие – к ч. 3 ст. 159 или 160. Вероятно, именно поэтому, по мнению В. К. Дуюнова, «общей признается норма, содержащая признаки «типового» преступления, являющегося основанием уголовной ответственности за различные проявления данного вида преступлений за исключением предусмотренных специальными нормами», «специальной же именуют норму, содержащую признаки преступления, отличающегося от «типового» большей или меньшей степенью общественной опасности, и именно по этой причине предусматриваемую в законе наряду с общей нормой»¹⁰⁷. Однако, выводя соотношение норм уголовного права, нужно различать форму и содержание¹⁰⁸.

Если в Уголовный кодекс вводятся составы преступлений, с помощью которых устанавливается ответственность за отдельные случаи совершения деяний, любой случай совершения которых отражен в других составах, тем самым из общей нормы исключается то, что включается в специальную норму. Смысл такого исключения-включения заключается в необходимости дифференциации (изменения, смягчения или усиления) наказания за соответствующее преступление с учетом его общественной опасности¹⁰⁹.

Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, отражено в ст. 285 УК РФ. Совершенные же с использованием своего служебного положения путем обмана или злоупотребления доверием и присвоения или растраты с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, отдельно установлены в ч. 3 ст. 159 и 160 УК РФ. Очевидно, что последние преступления обладают большей общественной опасностью. Санкции, предусмотренные за их совершение, это подтверждают. В ч. 1 ст. 285 УК РФ наиболее строгое наказание установлено до четырех лет лишения свободы, в ч. 3 ст. 159 и 160 – до шести лет лишения свободы.

Отсюда ясно, что соответствующие преступления, описанные в ч. 3 ст. 159 и 160 УК РФ, не могут быть видами преступлений, имеющих в ст. 285. Первым тесны рамки наказуемости последних.

Напротив, специальные виды мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ) выделены из общей нормы (ст. 159) для смягчения наказания, ибо законодатель увеличил для них стоимость похищенного имущества при крупном размере с сум-

мы более двухсот пятидесяти тысяч до более одного миллиона пятисот тысяч рублей, а при особо крупном размере – с суммы более одного миллиона до более шести миллионов рублей (примечание 4 к ст. 158 и примечание к ст. 159.1). Им рамки наказуемости мошенничества, отраженного в общей норме, уже широки вследствие, по мысли нормотворца, меньшей общественной опасности.

В итоге появляется ответ на вопрос, почему законодатель при предусмотренности преступления общей и специальной нормой приоритет предоставляет именно специальной норме. Для того чтобы в соответствии с его волей у суда появилась возможность назначить виновному иное (повышенное или пониженное) наказание. Таким образом, содержание составов преступлений, отраженных в общей и специальной норме, никакой конкуренции не предполагает.

Конкуренция общей и специальной нормы появляется только из-за формы изложения отдельных составов преступлений в Особенной части Уголовного кодекса. Именно формулировки закона создают впечатление, что одна из норм – общая, а другая – специальная, ибо общая норма излагается так, как будто она охватывает и специальные нормы.

Не случайно В. Н. Кудрявцев полагал, что «можно конкурирующие нормы представить как смежные составы, если дополнить одну из них «недостающими» негативными признаками. Так, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285) можно дополнить такими признаками, как:

без подлога «документов», «за исключением случаев получения взятки» и т. д., т. е. указаниями на отсутствие признаков всех специальных норм. Этим искусственным путем мы устанавливаем «пограничную линию» между конкурирующими нормами»¹¹⁰, что сразу же исключает их конкуренцию. Несогласие с таким подходом¹¹¹ не подтверждает законодательная практика.

Нормотворец нередко устраняет конкуренцию норм уголовного права именно путем, описанным В. Н. Кудрявцевым¹¹². В одних случаях он при описании преступления именуется деяние, которое должно при этом отсутствовать. Например, в ч. 1 ст. 127 УК РФ указывается на незаконное лишение человека свободы, «не связанное с его похищением», чем исключается конкуренция названной статьи со ст. 126. В части первой ст. 165 УК РФ указывается на причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, чем исключается конкуренция названной статьи со ст. 159. В части первой ст. 166 УК РФ указывается на неправомерное завладение транспортным средством «без цели хищения», чем исключается конкуренция названной статьи со ст. 158–162. В части первой ст. 179 УК РФ указывается на принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения при «отсутствии признаков вымогательства», чем исключается конкуренция названной статьи со ст. 163.

В других случаях конкуренция норм уголовного права устраняется путем прямого указания на отсутствие признаков преступления, предусмотренного конкретной статьей Особенной части Уголовного кодекса¹¹³. Так, в части первой ст. 112 УК РФ прямо устанавливается умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не повлекшее последствий, указанных в ст. 111. В части первой ст. 113 УК РФ прямо устанавливается истязание, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112. В части первой ст. 283 и ст. 283.1 УК РФ прямо устанавливается разглашение государственной тайны и незаконное разглашение сведений, составляющих государственную тайну при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276.

Поскольку конкуренцию общей и специальной нормы законодатель во многих случаях соответствующим образом не исключил и не мог исключить в силу необходимости дифференциации (изменения) наказуемости отдельных преступлений, при дополнительной их квалификации следует строго соблюдать предписания ч. 3 ст. 17 УК РФ. Внутренним проявлением (содержанием) такой конкуренции является конкуренция норм о составах 1) одного и того же преступления и 2) самостоятельных преступлений¹¹⁴. Внешним же ее проявлением (формой) выступает конкуренция между несколькими 1) статьями и 2) частями одной и той же статьи Особенной части уголовного законода-

тельства¹¹⁵. И в том, и в другом случае имеются свои разновидности. Тем самым типовое правило конкуренции общей и специальной нормы применительно к отдельным ситуациям может выступать в разных проявлениях. В литературе оно конкретизировано, сформулированы и раскрыты частные правила (дополнительной) квалификации преступлений при такой конкуренции¹¹⁶.

Конкуренция общей и специальной нормы между несколькими статьями Особенной части уголовного законодательства происходит применительно к: а) составам различных преступлений, б) основному и привилегированному составам одного преступления и в) привилегированному и квалифицированному составам одного преступления. Рассмотрим их.

Сначала о правиле дополнительной квалификации преступления при рассматриваемой конкуренции применительно к составам различных преступлений. Оно заключается в том, что, если преступление предусмотрено составами, установленными двумя статьями, оно квалифицируется по той статье, которая содержит состав, отражающий один из случаев совершения преступления, любой из которых включен в состав другой статьи.

Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 разъяснено, что, «если причиной возникновения пожара явилось нарушение правил безопасно-

сти на объектах атомной энергетики, на взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ, либо нарушении правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ, пиротехнических изделий и т. п., содеянное охватывается специальными составами преступлений (ст. 215, 216, 217, 218 УК РФ и др.) и дополнительной квалификации по ст. 219 УК РФ не требует»¹¹⁷. Последняя включает любое нарушение требований пожарной безопасности.

Когда действия соответствующего должностного лица по фальсификации доказательств квалифицируются по ч. 2 ст. 303 и части первой ст. 285 УК РФ, вышестоящие суды исключают из приговора часть первую ст. 285. Скажем, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Ищенко указала, что «ст. 285 УК РФ является общей нормой, предусматривающей уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями. В то же время ст. 303 УК РФ – это специальная норма, предусматривающая ответственность конкретного должностного лица за фальсификацию доказательств, а поэтому в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме (в данном случае по ст. 303 УК РФ)»¹¹⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.